

ПАНОЗЕРО:
СЕРДЦЕ
БЕЛОМОРСКОЙ
КАРЕЛИИ

JUMINKEKO

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
2003

К.т. 1348932

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

ЗАГАДКИ ЭТНИЧЕСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ

Алексей Конкка

ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Путешествовавшие по Северной Карелии финские исследователи XIX века, вдохновленные идеями создания национального эпоса и озабоченные поиском для него новых сюжетов, были в основном собирателями рунической поэзии. Впоследствии, во времена «карелианизма»* к ним присоединились также архитекторы, художники и даже журналисты. Но профессионалов-собираелей, таких как Самули Паулахарью, среди них было немного. Большинство «карелианов» не доходило в своих странствиях до Панозера, а те, кто доходили, зафиксировав почти полное отсутствие рун, оставляли в путевых заметках на редкость краткие резюме в основном о патриархальности деревенского уклада жизни и о русском влиянии в языке.

Первым планомерным этнографическим обследованием Северной Карелии стали экспедиции Д. А. Золотарева 1920-х годов. Профессор Дмитрий Александрович Золотарев (1885—1935), заведующий этнографическим отделом Русского музея, возглавивший полевые исследования в северо-западном крае (вначале на Кольском полуострове, а затем в Северной Карелии), был выдающимся этнографом и антропологом. Экспедиция Русского музея 1928 года на Олангу стала последней организованной им поездкой подобного рода. В 1930-е годы от этнографов потребовали «изучения современности», что фактически означало изучение достижений социализма и борьбы с религией. Д. А. Золотарева как организатора «идеологически невыдержанных» исследований арестовали и впоследствии расстреляли.

В 1926—1927 годах экспедиция Д. А. Золотарева дважды проходила водным путем от города Кеми до Ухты и Вокнаволока, пересекая Северную Карелию с востока на запад и обратно. Несмотря на то что одной из главных задач советской экспедиции, как и предшествующих ей финляндских, являлось повторение маршрутов Э. Лённрота с целью выяснения, «в какой мере сохранились руны Калевалы в наши дни» [29, с. 2], Д. А. Золотареву и его спутникам удалось собрать этнографический материал, позволивший сделать ряд общих

* Карелианизм — культурное течение, связанное с идеалистическими представлениями о Карелии 1800-х годов, отождествлявшими ее в исторической ретроспекции с прародиной «сынов Калевы», т. е. персонажей народных рун.

Члены экспедиции
Д. А. Золотарева в Панозере.
Фото Д. А. Золотарева, 1926 г.
(РЭМ)

выводов и впервые выявить некоторые тенденции развития народной культуры восточной и западной частей Северной Карелии. Способствовал этому и многопрофильный состав полевого отряда, который, помимо этнографов и фольклористов, включал художников и архитекторов. В Российском этнографическом музее хранится большая коллекция сделанных Д. А. Золотаревым и его коллегами фотографий и рисунков, часть которых помещена на страницах этой книги.

Подытоживая экспедиционные исследования, Д. А. Золотарев отметил, что помимо того, что на востоке Северной Карелии (т. е. в Поморье) проживают русские, а западнее простирается территория, населенная карелами, сама «карельская часть в этнографическом отношении далеко не однородна» [29, с. 2]. Территория от села Подужемья до финской границы делится примерно на две равные части, где в восточной части (Кемском крае) преобладает русское, а в западной (Ухтинская Карелия) — финское влияние. Граница преимущественно русского влияния на карельскую культуру в противовес усиливающемуся по мере продвижения на запад финскому влиянию проходила, согласно Золотареву, в 1920-е годы в районе деревни Юшкозеро, с ее западной стороны [29, с. 14].

Золотарев в своей статье приводит ряд черт, отличающих эти два района друг от друга. Помимо архитектурных особенностей, устройства печи (камелек на западе и отсутствие его в Кемском крае), он отмечает различия в одежде, обуви (вытеснение «русскими сапогами» ранее распространенных там кенег — высоких сапог без подошвы с загнутыми вверх носками), хозяйственном инвентаре («русский» и «финский» топоры, коса-горбуша на востоке и коса-стойка на западе) и т. д. [29, с. 12—14]. В качестве характеристики бытовых условий Д. А. Золотарев избирает описание проведения праздников, сравнивая виденный им праздник Ильина дня в Вокнаволоке с панозерским Спасовым, или Маккаевым днем. Если первый носил характер организованного спортивного зрелища, то второй был чисто религиозным с крестным ходом на иордань и традиционными играми молодежи. Интересно, что и современные материалы (см. главу «Панозерские наряды и их родословные») подтверждают тезисы Д. А. Золотарева. По мнению некоторых живущих в Панозере выход-

цев из деревни Юшкозеро, панозерцы были хранителями более старых традиций.

Вместе с тем Д. А. Золотарев особо подчеркивает тот факт, что в «передовом» Ухтинском крае некоторые элементы старой традиционной культуры сохранились лучше, чем в «патриархальном» Кемском. Он обращает внимание на сохранившуюся только на западе древнюю систему подсечного земледелия, на старинные постройки с волоковыми окнами, которые можно увидеть даже в центре северо-западной Карелии, Ухте, «старомодные русские сарафаны», традицию ношения девушками и молодыми женщинами в качестве праздничного наряда богато украшенных платков, что гораздо реже встречается в восточной части описываемой территории [29, с. 16].

Такие термины, как «маргинальность» (пограничность), во времена Д. А. Золотарева еще не были в ходу. Однако, со свойственной ему проницательностью, исследователь описал явления, характерные для маргинальной территории, находящейся на границе двух этнических образований. Здесь следует подчеркнуть, что формирование традиционных элементов культуры — процесс многосложный, связанный с влияниями извне и в то же время с уровнем этнической консолидации или ассимиляции в определенный исторический период. Особенно активно эти процессы могут происходить в маргинальных зонах. Именно там, в силу причин этнопсихологических, связанных с обостренным чувством этнического самосознания, сохраняются и усиливаются некоторые «манифестационные» элементы народной культуры, которые слабее выражены (или даже отсутствуют) на основной этнической территории.

Панозеро, в противовес Ухтинской Карелии, входит в зону сильного русского (поморского) влияния. Значит ли это, что оно находится в восточной маргинальной зоне? Существовала ли она? Можно ли в традиционной культуре Панозера обнаружить оригинальные особенности и черты карельской народной традиции, проявляющиеся в силу расположения села на границе с русскоязычным Поморьем? Ответы на подобные вопросы по возможности будут даны как в настоящем этнографическом*, так и в последующем архитектурном разделе коллективной монографии. Здесь же хочется акцентировать внимание читателей лишь на некоторых любопытных фактах.

Панозеро является центром этнокультурного ареала, включавшего три волости — Подужемье, Панозеро и Юшкозеро, на территории которых зафиксирован нигде более в Карелии не встречающийся мифологический святочный персонаж Крещенская свинья. Почему это явление существенно для нас? Дело в том, что есть основания полагать, что святочные персонажи у карел занимают центральное положение во всей мифологической структуре, и поэтому все, что с ними связано, заслуживает особого внимания. Кроме того, Крещенская свинья генетически связана с другим святочным персонажем северных карел — старухой Виеристя, представления о которой характерны для ряда западных и северных территорий края, что соотносится, в частности, с брачно-праздничным ареалом Панозера, распространявшимся к концу XIX — началу XX века до самой финской границы — до деревень Войница и Суднозеро

* Материалы по этнографии Панозера приведены также в Приложении 4.

(Венехъярви)*. Кроме того, издавна из Панозера, как и из более западных районов, ходили торговать мелкими товарами в Финляндию (коробейничество). Наконец, говор панозерцев во многом более северно-карельский, чем юшкозерское наречие, которое относится к так называемым смешанным говорам со значительной долей элементов речи, ведущих свое происхождение из более южных районов Карелии.

Вместе с тем то, что, казалось бы, разъединяет разные группы северных карел, при ближайшем рассмотрении может объединять. Прежде всего это относится к русскому влиянию, которое обнаруживается и у самых западных групп карел. Д. А. Золотарев о «старой русской моде» в одежде карел Ухтинского края говорил как о «пережитке когда-то более сильного и здесь русского влияния». Добавим, не вдаваясь в подробности, что в говорах северо-запада до последнего времени сохранялись некоторые древнерусские слова, давно ушедшие из обиходной речи на территории России. Что же это — характерные особенности маргинальной зоны или отголоски древних взаимовлияний этносов на севере России? Вероятно, и то и другое. Во многих разделах монографии указывается на значительное влияние Поморья, подчеркиваются многоплановые, глубинные связи в разных областях панозерской народной традиции с поморскими поселениями. Это не может быть случайностью. Некоторые явления имеют свои аналогии не только на карельском берегу Белого моря, но характерны и для Кандалакшского и Терского берегов. В этой связи уместно напомнить, что крупнейшее село Терского берега Варзуга было еще в XV веке чисто карельским поселением. То же самое можно сказать и о Кандалакше. Интересно, что в Панозере встречаются фамилии старожилов поморского происхождения. Это — Мошниковы и Карбасниковы, известные и на Терском берегу. Родство традиций, таким образом, может оказаться генетическим родством на уровне семей первопереселенцев. Это, конечно же, только гипотеза, но факты говорят в пользу того, что в восточной части рассматриваемой Д. А. Золотаревым территории Северной Карелии маргинальная зона на границе с русскоязычным Поморьем была по своему характеру совершенно иной, нежели на западе. Так, на востоке основное отличие между карелами и русскими поморами предопределялось языком (хотя и было смягчено наличием билингвизма в карельской среде), на западе — разной конфессиональной принадлежностью соседствующих народов. В результате, несмотря на этническое родство собственно карел и финнов, культура по ту сторону карельско-финской границы действительно была иной, что во многом обусловило сохранение и особое подчеркивание специфически карельских этнических черт — характерного явления маргинальной территории.

В последующие после экспедиций Д. А. Золотарева годы Панозеро и его округа практически не изучались этнографами. Поэтому цель данного раздела — буквально по крохам, оставшимся исследователям сегодняшнего дня, восстановить хотя бы часть пласта народной культуры, бывшего когда-то одним из источников образования северно-карельской этнической традиции.

* Правда, в более раннее время, судя по данным И. Черняковой, такой ареал был значительно уже.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Ниеминен

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ (вместо предисловия) ~~6—18~~

И. Чернякова

ПАНОЗЕРО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ: пять веков карельской истории ~~19—82~~

Древнейший карельский погост ~~20~~

В ракурсе административных реформ XVI — XVIII веков ~~20~~;

В освещении документов XVI — XVIII веков ~~23~~

ТРАДИЦИИ БРАЧНЫХ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В XVIII—НАЧАЛЕ XX ВЕКА ~~42~~

Заключение браков ~~45~~

Куда выходили замуж? Где находили невест? ~~45~~; В каком возрасте создавали семьи? ~~52~~

Семья в Панозере в исторической ретроспективе:
в XVIII, XIX и начале XX века ~~58~~

Несколько общих замечаний социально-демографического характера ~~58~~;

Основные возрастные характеристики супружества ~~63~~;

Роль семьи в сохранении жизнеспособности местного социума ~~69~~

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ~~74~~

Н. Лавонен, М. Ниеминен, Н. Поздняк

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ ПАНОЗЕРА ~~83—110~~

Н. Лавонен, М. Ниеминен

НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ЗЕМЛИ РУНОПЕВЦЕВ ~~84~~

Н. Поздняк

РУССКИЕ ПЕСНИ ПАНОЗЕРА ~~100~~

А. Конкка, О. Набокова, Н. Поздняк, Е. Яскеляйнен
ЗАГАДКИ ЭТНИЧЕСКОГО ПОРУБЕЖЬЯ ~~111—230~~

А. Конкка
ВВЕДЕНИЕ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ~~112~~

Е. Яскеляйнен
ПРЕДМЕТНЫЙ МИР СТАРОГО ПАНОЗЕРА ~~116~~

Н. Поздняк
ПАНОЗЕРСКИЙ ПРАЗДНИК ~~122~~

А. Конкка
СВЯТКИ В ПАНОЗЕРЕ, ИЛИ КРЕЩЕНСКАЯ СВИНЬЯ ~~130~~

Е. Яскеляйнен
ПАНОЗЕРСКИЕ НАРЯДЫ И ИХ РОДОСЛОВНЫЕ ~~154~~

О. Набокова
ПРЯЛКИ ПАНОЗЕРЬЯ И ПРЯЛОЧНЫЕ ТРАДИЦИИ КАРЕЛИИ ~~180~~

А. Конкка
ОСВОЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА:
ПАНОЗЕРСКИЕ КАРСИККО ~~214~~

*И. Гришина, Л. Капуста, В. Орфинский,
С. Путистин, А. Яскеляйнен*
ЗОДЧЕСТВО ДЕРЕВНИ ПАНОЗЕРА ~~231—306~~

И. Гришина, В. Орфинский
ДИАЛЕКТИКА ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА
БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ ~~232~~

Л. Капуста, В. Орфинский
ЦЕРКОВЬ ИЛЬИ ПРОРОКА: ФАКТЫ И ЛЕГЕНДЫ ~~252~~

И. Гришина, В. Орфинский
ТРАДИЦИОННАЯ ЗАСТРОЙКА ПАНОЗЕРА ~~259~~

С. Путистин
ПЕЧИ ПАНОЗЕРА В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИЙ
БЕЛОМОРСКОЙ КАРЕЛИИ ~~281~~

А. Яскеляйнен
ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДЕРЕВНИ:
ПЛОТНИЦКИЕ КУРСЫ И КОНЦЕПЦИЯ РЕСТАВРАЦИИ
ПАНОЗЕРСКИХ ДОМОВ ~~291~~

В. Орфинский
РОДНИК КАРЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (вместо послесловия) ~~307—329~~

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ ~~330—344~~